

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №35)

ГЛАВА 2. ДЕТСКИЙ ДОМ.

Детский дом, в который определили нас с Фаинькой, расположился на окраине небольшого городка. С одной стороны детдом обрамляли сопки, в отличие от привычных для нас совершенно голые, с каменистыми выступами, с другой стороны протекала горная бурная река, а с третьей расположился глубокий овраг, поросший вдоль дна мелкими кустарниками. В верховье оврага можно было увидеть глинистый карьер. Со стороны городка пролегла узкая полоска проселочной дороги, которая заканчивалась большими воротами на территории детдома. Сам детский дом был огорожен деревянным забором. На территории находились несколько строений, в основе своей саманных и деревянных домиков. Воспитанники жили в двух баракообразных строениях. Причем девочки жили в правом бараке, а мальчишки - в левом. В торце девчачьего барака построена баня. В самом большом деревянном доме располагались администрация, медпункт с изолятором, и здесь же проживало и все наше начальство. Обслуга и столовая располагались в трех других домиках. Здесь же, вдоль площадки, между бараками был сооружен навес с длинным деревянным столом и двумя рядами лавок. В летнее время навес служил общей столовой. Зимой столовой служили сами бараки, отапливаемые печками, которые топились кизяком. Кизяк заготавливали летом на скотном дворе. Километрах в трех вверх по реке стояли базы. На импровизированной площадке детдома возвышалась небольшая трибуна, где проводили митинги и вечерние проверки. В самом северном углу вдоль забора теснились несколько сбитых из горбыля пристроек. Там же находилась маленькая конюшня, в которой, как оказалось позже, жила старенькая кляча. Она таскала за собой арбу на двух больших колесах. Рядом с конюшней чуть в стороне был вырыт глубокий колодец. Вода в нем была холодная и вкусная. Высокий журавель скрипел, пошатывался, был сер от времени, но достаточно надежен. Продукты привозили каждый день на двух подводах, под охраной двух солдат.

Зимой в бараках было относительно тепло. Правда, те, кто спал ближе к дверям, мерзли. Постель была проста. Вечером, перед сном, расстилалась кошма. Ложились в ряд, один возле другого, дежурный воспитатель накрывал нас другим рулоном кошмы. Ночью воспитатель поддерживал огонь в двух печках и следил за порядком. Днем проводились занятия по политграмоте. На занятиях мы узнали, что наши родители - лишенцы, враги народа. Обещали, что летом переведут в город. Леонтич старичок неопределенного возраста много расска-

сто переставал принимать любую пищу. Вот тут и нашлась работа нашей арбе и старому конюху. Врач наш или фельдшер ничем помочь не мог! Да и не было у него лекарств, я так думаю. Рано утром, сразу с подъемом, снимали кошму и выносили тех, кто умер. Грузили на арбу и молча вывозили к глинистому карьеру. Строго-настрога было запрещено есть траву, но разве желудку прикажешь? Привезли несколько мешков прелого ячменя, я потому знаю, что помогал разгружать рогожные мешки, от которых так приятно пахло! Вечером того дня сварили ячменную похлебку. Но ребята мёрли. Коленька пару раз лупил меня, приговаривая:

- Сдохнуть хочешь? А Фаиньку кто беречь будет? Тятка что говорил? Держаться вместе, пока живы. Вместе мы сила! А порознь - что блоха. Раздавит нас житуха, как ни крути.

Я-то видел, он потихоньку пайку делил, при случае сестренке передавал, да и мне перепало. Хотя сам на полголовы выше меня был - худющий такой!

Как ни крути, а голод и вша вместе ходят! С зимы мы вышли вместе с ними. Стригли нас налысо - что пацанов, что девчат. В бане мыли каждую субботу, но без мыла, с какой-то жидкостью, даже кошму выносили на улицу зимой и летом. Но вошь - она живуча.

Не знаю, совпадение это было или еще что, но поздней осенью, как на грех, пришла страшная беда! Брюшной тиф! Первым заболел Коленька, а за ним и я. Изолятор был переполнен. Смерть была быстрой, но нас пополняли и пополняли новыми лишенцами. Где столько кулаков находили, не знаю! С нами в бараке были пацаны с одной деревни, с разных семей, которых раскулачили за одну и ту же паровую маслобойку.

